

Ёриити ушел. После того как попрощался с братом и сестрой.

Внезапная новость разрушила все планы Юйцзы. Она-то надеялась, что дождется десятилетия Ёриити и сбежит вместе с ним, ведь будущее женщины в знатном роду феодального общества было предreshено и без лишних слов понятно.

Увы, вышло иначе.

В тот день, помогая Митикацу разбирать вещи покойной матери, Юйцзы нашла её дневник. Оказалось, Ёриити заранее знал, что его прочтут в наследники, поэтому и ушел из дома раньше времени. И о болезни матери, и о том, что её дни сочтены, он, судя по всему, тоже догадывался — поддерживал её, когда левая сторона тела матери перестала слушаться.

Митикацу сжал дневник так сильно, что бумага пошла складками, а на тыльной стороне ладоней вздулись вены. Он опустил голову, тяжело дыша, а сердце его переполняли обида и зависть.

— Умоляю, не живи на этом свете. Таким, как ты, лучше бы вообще не рождаться.

Митикацу всегда считал брата трусливым маменькиным сынком, но лишь теперь осознал, что проиграл ему не только в силе, но и в человеческих качествах. Особенно его задело то, что уход Ёриити выглядел почти как милостыня — от этой мысли его захлестывали зависть и жгучий стыд.

Юйцзы, опустившаяся на колени рядом и тоже прочитавшая дневник, погрузилась в самобичевание, не заметив, как помрачнел Митикацу.

Как позорно.

Обладая разумом взрослого человека, она не заметила, что мать... что Юйцзы больна. Даже без Прозрачного мира, с её-то жизненным опытом, она не должна была пропустить подобное. Она знала, что мать слаба здоровьем, но не подозревала, что всё настолько серьезно.

Как позорно.

В своем последнем письме отцу мать просила не разлучать детей, относиться к ним с равной добротой и надеялась, что они вырастут здоровыми. Отец был суеверен. Когда Ёриити исполнилось два года, он сказал ему: Ты неблагословенный ребенок, тебе не следовало рождаться, ты приносишь несчастья, ты навлечешь беду на клан Цугикуни.

Чтобы не накликать беду, Ёриити вел себя тише воды, ни с кем не разговаривал и старался быть как можно незаметнее. Лишь в присутствии матери, брата и сестры он изредка позволял себе улыбку, подобающую ребенку.

Но отец тоже любил мать. Прочитав её посмертное письмо, он, кажется, осознал содеянный грех. Он рассылал людей на поиски, даже отправлял гонцов в тот самый храм, но вестей о сыне так и не получил. В конце концов, отец сдался.

Узнав об этом, Митикацу вздохнул с облегчением. Встретил ли ты разбойников или тебя задрал медведь — главное, что ты исчез.

С тех пор жизнь в клане Цугикуни вроде бы вернулась в прежнее русло, но что-то неуловимо

изменилось. Митикацу каждый день упражнялся в фехтовании под присмотром отцовских наставников, готовясь однажды унаследовать главенство в роду.

У Юйцзы дела обстояли куда хуже. Девушки из знатных семей в феодальном обществе — существа жалкие: у них нет права на свободу, они лишь инструмент для заключения союзов. Чтобы не повторить эту судьбу, Юйцзы тоже хотела сбежать, как Ёриити. Но ей было всего шесть, никаких навыков, и побег для такой маленькой девочки означал верную смерть.

Она обратилась к Митикацу:

— Брат, прошу, научи меня фехтованию.

Митикацу стоял в саду, упражняясь с деревянным мечом. Юйцзы специально выбрала время, когда поблизости никого не было: если бы кто-то увидел, непременно доложили бы отцу. Девочка с мечом — что за вздор?

— Зачем девушке фехтование? Учись игре на цитре, шахматам, каллиграфии и живописи. Все равно, когда вырастешь, тебе только и останется, что выйти замуж, — Митикацу, воспитанный в духе феодальных догм, ответил именно то, чего Юйцзы и опасалась.

Она едва не взорвалась от злости. Ну, погоди, братец, еще узнаешь, где раки зимуют.

Даже когда она пыталась серьезно поговорить, в ответ получала лишь отговорки и полное безразличие. Юйцзы окончательно поняла: Митикацу уже пленен искаженными догмами общества и никогда её не поймет. Она думала, что с её-то опытом взрослого человека легко исправит психологию ребенка, но реальность отвесила ей звонкую пощечину. Дети слушают взрослых не потому, что те правы, а просто потому, что они — взрослые.

Митикацу, пропитанный идеями сословной иерархии, был глух к её словам. Юйцзы перестала просить о помощи. Днем она училась музыке, чайной церемонии и вышивке у приставленных учителей, а по ночам в своей комнате размахивала деревянным мечом, который стащила у брата. Конечно, без наставника трудно постичь секреты мастерства, но это было лучше, чем ничего. К тому же она тайком подсматривала за тренировками Митикацу, так что прогресс все же был.

Чтобы выжить в большом мире, нужна сила, особенно если ты девушка. Если не прикладывать усилий, её ждет участь, о которой так ярко пишут в тех розовых приложениях. Она ничуть не сомневалась: в этом феодальном мире люди пожирают друг друга не хуже демонов.

Время шло. Прошло десять с лишним лет.

Митикацу и Юйцзы повзрослели, стали почти неотличимы друг от друга. Хотя Юйцзы родилась позже, она унаследовала черты родителей так же, как и брат, только телосложением была изящнее, а черты лица — мягче, женственнее. Её длинные волосы цвета вина привлекали столько взглядов, что порог дома Цугикуни едва не оббили сваты.

После того как Митикацу унаследовал дела клана, обзавелся женой и детьми, отец, чье сердце было отягощено давней тоской, скончался в тридцать лет.

Однажды, когда Юйцзы занималась музыкой, её вызвали люди Митикацу. Она с тяжелым сердцем предстала перед братом.

— Что-то случилось, брат? — холодно спросила она.

За десять лет их отношения охладели, как и подобало строгой иерархии, засевшей в голове у Митикацу.

— Сёгун прислал сватов...

От одной этой фразы у Юйцзы внутри все заledenело. Не дожидаясь продолжения, она ответила:

— Я поняла. Если это все, я пойду.

Она развернулась и ушла, не дожидаясь ответа. В свои восемнадцать лет по меркам той эпохи она уже считалась старой девой, и она отвергла уже бесчисленное множество женихов. Но на этот раз отказать сыну сёгуна было невозможно. Проклятое феодальное общество.

Проходя мимо кухни, Юйцзы прихватила немного еды и вернулась в свои покои. Она начала собирать вещи, решив сбежать под покровом ночи. Достала из шкафа тщательно завернутый в ткань стальной меч — тот самый, что она украла из дома. Собрала удобную одежду для пути.

Закончив, она краем глаза заметила в углу комнаты флейту. Митикацу подарил её ей в детстве — может, когда дарил брату, вспомнил и о сестре. После того как разум Митикацу начал искажаться, она забросила её в угол. Поколебавшись, Юйцзы протерла флейту и положила в мешок.

Все готово, осталось только дожидаться подходящего момента.

Стемнело. Юйцзы, с мечом за поясом и дорожной сумкой, приоткрыла дверь. Хорошо, ночной караул не здесь.

Но когда она прокралась к задней калитке, у самой двери в лунном свете застыл неподвижный силуэт.

Ох. Не спится тебе посреди ночи?!

Юйцзы судорожно вдохнула. Пока Митикацу не заметил, она попыталась на цыпочках отступить в тень.

— Юйцзы, — раздался спокойный голос брата.

Она замерла. Поняв, что бежать некуда, она глубоко вздохнула и вышла из тени.

— Ты следил за мной?

— Ты ведь не думала, что я не узнаю о краже настоящего меча?

Юйцзы промолчала. Она потеряла бдительность.

Её взгляд похолодел, рука легла на рукоять меча.

— Уйди с дороги. Я не позволю распоряжаться собой, как Ёриити.

Митикацу, который не слышал этого имени больше десяти лет, на мгновение окаменел. Воспоминание о том, как брат беспощадно растоптал его гордость, было свежо, словно

случилось вчера.

Он медленно обнажил свой меч.

— Что ж, попробуй. Посмотрим, чему ты научилась тайком.

В отличие от детских игр с деревянными мечами, теперь Митикацу, пройдя суровые тренировки и обладая выдающимся талантом, стал воином, превзошедшим своего отца.

Юйцзы глубоко вдохнула, зная, что битвы не избежать. Она медленно вытащила свой клинок.

<http://bllate.org/book/20827/2096647>